

РУССКАЯ МАТРИЦА: ИСКУССТВО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

ЛИЛИЯ ШЕВЦОВА | НОЯБРЬ 2013

Российское самодержавие (Русская матрица) подтверждает свою способность к воспроизводству. На сей раз Кремль пытается обеспечить себе будущее, возвращаясь в прошлое — возрождая старые мифы, репрессивные механизмы и глобальные претензии. Нет сомнений в том, насколько способ выживания на основе лозунга «Вперед в прошлое!» может быть успешным. Вопрос в том, какова будет цена его провала и что последует за ним.

ОТ ИМИТАЦИИ ЗАПАДА К СДЕРЖИВАНИЮ ЗАПАДА

Кремль сумел снять острые проявления кризиса лидерства и политического режима, которые вышли на поверхность в 2011—2012 гг. Но причины и истоки кризиса остались — они только загоняются внутрь. Перечислим факторы, которые продолжают подрывать устойчивость российской власти. Во-первых, правящая команда теряет социальную базу (хотя она сохраняет свой традиционный электорат). Во-вторых, произошел подрыв легитимности режима среди политически мобильных слоев.

В-третьих, появляются признаки недовольства властью в ее политической опоре, в частности среди определенных слоев бюрократии и бизнеса, которые начинают сомневаться в том, что путинский режим сможет гарантировать осуществление их интересов. В-четвертых, признаком неустойчивости власти является тот факт, что она все активнее прибегает к репрессивным мерам. В-пятых, ухудшающаяся экономическая ситуация сужает возможности государственного патернализма и задабривания населения.

Налицо признаки вступления политического режима в полосу потери жизнеспособности. Но

ОБ АВТОРЕ

Лилия Шевцова — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир. Автор книг о политической России, среди них: «Yeltsin's Russia. Myths and Reality», «Putin's Russia», «Russia: Lost in Transition», «Yeltsin and Putin Legacies», «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом», «Change or Decay: Russia's Dilemma and the West's Response» (с Эндрю Вудом), «Crisis: Russia and the West in the Time of Troubles» (с Дэвидом Дж. Крамером).

это еще не его смерть, возможно, даже не последняя стадия существования. Потрясение, которое испытал Кремль, когда люди вышли на улицы, оказалось недостаточно сильным ни для обвала власти, ни для ее реформирования. Но это потрясение заставило власть искать новые способы укрепления своих позиций.

В 2012—2013 гг. Кремль изменил философию и модель властвования. Начиная с 1991 г., т. е. с момента распада СССР, российская элита строила свое правление, признав доминирующую роль западной цивилизации и пытаясь имитировать ее нормы и использовать Запад в своих интересах. «Встраиваемся в Запад, делая вид, что принимаем его стандарты» — таков был лозунг правящего класса в период Ельцина, раннего Путина и Медведева. Российская власть отказалась от политики жесткого сдерживания западной цивилизации и противопоставления ей своей системы ценностей, взяв курс на сотрудничество с Западом. Политика выживания через имитацию либеральных институтов и личную интеграцию элиты «в Запад» позволяла допускать в России относительную свободу для поиска обществом путей выживания, если они не подорвали монополии правящей группы на власть.

Новая модель властвования основывается на возвращении Кремля к идее «Россия — уникальная цивилизация!». Эта модель предполагает противодействие влиянию Запада как внутри российского общества, так и на постсоветском пространстве. Более того, она не может существовать без выдвижения собственной идеологической альтернативы. Во времена СССР такой альтерна-

тивной был коммунизм. Сегодня российский президент попытался обосновать претензию России на роль защитника традиционных моральных ценностей от западного упадничества и деградации. «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации, — говорит Владимир Путин. — И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать». Дело не ограничивается лишь риторическим наступлением Кремля. Российская власть стремится создать геополитический противовес либеральным демократиям в виде Евразийского союза. «Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства в новом веке и в новом мире... это шанс стать самостоятельным центром глобального развития», — объясняет Путин.

При отсутствии убедительного светского идеологического обоснования Кремль, создавая свой анти-Запад, обращается к поддержке Русской православной церкви. Вот как развивает мысли Путина о России как уникальном «государстве-цивилизации» патриарх Кирилл: «Россия — это страна-цивилизация, со своим набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат». Церковные идеологи доказывают, что Россия не может существовать в ином формате — как государство, действующее на основе права и закона. Россия, утверждают они, может существовать, только исповедуя принцип «солидарности» власти,

т. е. подчинения общества и индивидуума власти. Стремление государства при помощи церкви, которая стала государственным институтом, проповедовать обществу моральные и политические императивы, означает движение в сторону государственного контроля не только за политической, но и за частной жизнью граждан. Аналогии между российской реальностью и иранской моделью и ролью иранского духовенства как в политической сфере, так и в общественной жизни отныне уже не кажутся надуманным преувеличением.

В чем же уникальность России как «страны-цивилизации»? Прежде всего в соединении самодержавия с его геополитическим влиянием и стремлением создать цивилизационный вызов западному сообществу. Подчинение общества и индивида власти и ее персонификатору характерно для всех авторитарных режимов. Но только Россия сегодня пытается создать собственную галактику из зависимых от нее государств и предложить миру свое видение мира. Этим, кстати, Россия отличается от другого авторитарного гиганта — Китая, который не претендует (пока!) на формирование собственных международных союзов и на роль носителя альтернативных Западу ценностей, которые он предлагает остальным обществам.

Наконец, еще одной составляющей стратегии Кремля является превращение внешней политики в важнейший инструмент выживания Русской матрицы. Внешняя политика должна помочь Кремлю воссоздать державничество, которое в ситуации истощения внутрители-

тических ресурсов рассматривается как основа консолидации общества вокруг власти. Новое державничество, если судить по риторике Кремля и его пропагандистов, заключается в требованиях пересмотреть правила игры, возникшие после распада СССР. Недаром Путин напоминает о Венском конгрессе 1815 г. и ялтинских соглашениях 1945 г., которые «обеспечили долгий мир». Мы видим стремление Кремля обосновать «новую Ялту» и обеспечить не только воссоздание «сфер влияния» в бывшем советском пространстве, но и возвращение к активной роли России в других регионах мира. Собственно, стремясь сохранить статус-кво внутри России, который бы гарантировал продление власти нынешней правящей группы в бесконечность, власть фактически делает Россию «ревизионистом», если речь идет о мировом порядке. Слабость Запада, в первую очередь уход Соединенных Штатов в их внутренние проблемы, создает для российской власти искушение заполнить возникший на международной сцене вакуум.

Мне могут возразить: у России столько проблем, что она не может даже надеяться на то, что кремлевские амбициозные планы по реформированию мировой сцены окажутся успешными. И тем не менее неожиданная роль Путина в качестве спасителя репутации западных лидеров в сирийском вопросе, отказ Армении от подписания соглашения об ассоциации с ЕС, война России с ЕС за Украину — все это говорит о том, что паралич Запада расширяет возможности международного маневра Кремля.

ГОТОВА ЛИ РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ СТАТЬ ДИКТАТУРОЙ?

Есть фактор, который во многом определяет логику российского политического режима. Речь идет о том, что впервые в российской истории носителем власти являются представители спецслужб и их окружение, т. е. представители профессионального слоя, который должен обслуживать и защищать власть. Путин и его команда — первые преторианцы в Кремле. Правда, гражданскую традицию правления прервал Борис Ельцин, тем самым исключив сомнения в содержании своего правления. Подчеркну: преторианский характер власти делает ее борьбу за выживание более ожесточенной, а добровольный уход правящей команды из Кремля сомнительным.

Преторианцы правили в Бразилии, Таиланде, Турции, Чили и других странах. Пример преторианского режима — режим Мубарака в Египте. На первых порах преторианцы часто представляли интересы среднего класса, из которого вышли офицеры, которые были заинтересованы в модернизации своих стран. Но затем преторианцы обычно становились защитниками статус-кво. История показала, что силовики не могут управлять сложным и динамичным обществом, они стремятся к администрированию и рано или поздно начинают препятствовать прогрессу. Преторианские режимы, как правило, превращаются в коррумпированные правления, которые падают в результате социального взрыва либо переворотов. В любом случае они демонстрируют неспособность к мирной трансформации

и мирной передаче власти. Но перед тем как потерять власть, преторианцы нередко пытаются выжить за счет обращения к тотальному контролю над обществом.

Готов ли путинский режим двигаться в сторону диктатуры? По-видимому, даже Кремль и его стратеги не могут сейчас ответить на этот вопрос. Пока власть реагирует в первую очередь на то, что считает непосредственными угрозами для своей монополии. Вот как, видимо, размышляет Кремль. Угроза нашей информационной монополии? Зачистим прессу и ликвидируем свободу СМИ, но тех, кто имеет широкую аудиторию, а мелочь оставим. Угроза манипуляциям на выборах? Ликвидируем неправительственные организации, которые этому препятствуют. А остальные пусть пока копошатся, но мы их заставим постоянно чувствовать дыхание власти. Угроза политической оппозиции? Дискредитируем ее лидеров и посадим некоторых на наглядный пример. Прочих подвесим в неизвестности. Угроза массовых протестов? Выдернем из толпы рядовых участников и бросим в тюрьму — докажем, что каждый может быть на их месте.

Именно такова политика устрашения общества, которую Кремль взял на вооружение. Впрочем, власть пока экспериментирует. Идут подгонка и тестирование, в ходе которых Кремль пытается найти механизм властвования, который гарантировал бы контроль, но не усиливал бы сопротивление общественного материала.

Когда власть увидела, что выборочные репрессии сыграли свою роль и удалось снять открытое

недовольство, она решила поставить эксперимент с выборочной конкуренцией, но без угрозы для себя (так, на выборы московского мэра был допущен Алексей Навальный). Собственно, речь идет о «конкуренции с петлей на шее». Власть решила допустить некоторые элементы политической борьбы на локальном уровне и посмотреть, чем это обернется. Но оппоненты власти не могут выиграть на таких выборах, если у власти нет гарантии, что их можно приручить. Это, конечно, издевательская форма «демократии», такая версия сурковской «суверенной демократии» для нового времени, когда власти приходится иметь дело с пробуждающимся обществом. Нет сомнений: когда кремлевские технологи увидят, что тактика «конкуренции без смены власти» начала работать против власти, Кремль начнет затягивать петлю.

Существует аксиома, в истинности которой нам предстоит еще убедиться, а кое-кому, возможно, ощутить ее на себе: власть, вставшая на путь насилия, пусть вначале и выборочного, не может остановиться. Она должна постоянно доказывать свою силу, и любое послабление немедленно вызовет консолидацию обиженных, притесненных либо тех, кто хочет реванша.

Вот как наблюдатель изнутри — Алексей Чеснаков, бывший членом руководящих структур «Единой России», описывал эволюцию политического режима: «Власть, конечно, может повоевать с частью общества. Но начав воевать по-серьезному, запустив машину подавления, она уже не сможет остановиться. И чем больше она будет использовать подавление несогласных

как инструмент консолидации сторонников, тем хуже будет ей самой — она все больше будет зависеть от формируемых ею настроений и псевдореальности. Придется играть на самых низменных чувствах. В России политическая борьба — это не игра по правилам, не соревнование, это реальная борьба за выживание. По логике следующей мишенью вслед за несогласными будут представители элиты и самой власти».

«Закон репрессий», который загоняет любую власть в коридор насилия, из которого выбраться нельзя, требует, однако, определенных условий. Так, механизм насилия нуждается в идеологии подавления, оправдывающей насилие. Не менее важно наличие лояльного госаппарата, готового поддержать лидера, пытающегося удержать контроль над ситуацией. Нужны боеспособные, а не развращенные силовые структуры и их вера в лидера. Наконец, необходима поддержка режима со стороны отобранной элиты. Есть ли все это в наличии у Кремля? А если нет, то может ли в России возникнуть этот «пакет насилия» и при каких условиях? На эти вопросы пока нет ответа. Учтем также, что гниль, расплзающаяся по всем отсекам властной «вертикали», — не лучшая среда для диктатуры. Однако загнивание и деградация системы не исключают, а скорее предполагают вспышки насилия со стороны теряющей силу и влияние власти.

Пока правящая команда, видимо, не готова повернуть в сторону массовых репрессий даже не потому, что осознает ограниченность административно-силового ресурса и возможные последствия для себя его использования. Власти,

по крайней мере в момент написания этих строк, удастся удерживать стабильность при помощи устрашения и ограниченного насилия. Впрочем, очевидно и другое: движение системы в сторону более жесткого подавления общества будет продолжаться.

Власть, у которой сужается база, сокращаются ресурсы, не может быть гибкой и не может быть привлекательной. Она может только давить и угрожать — у нее ограниченное поле маневра. Логика «закона репрессий» в любой момент может привести к государственному насилию либо даже к государственному террору в отношении общества. Тем более что власть для себя решила: «Мы не можем уйти из Кремля!». Словом, сжатый и поднятый кулак должен ударить!

Как показывает мировой опыт, усиление внутренней агрессивности власти будет неизбежно сопровождаться усилением ее агрессивности на международной сцене. При этом сохранение принципа ядерного противостояния России в отношениях с ведущим западным государством, возрождение в ее политике неоимперского синдрома, а также претензии ее правящей команды на продвижение альтернативных Западу ценностей, наконец, возвращение Кремля к милитаристской символике — все это делает внешнеполитическую агрессивность России неизбежной.

История преторианских режимов свидетельствует, что они всегда обречены. Однако в ситуации атомизации общества, его деморализации

и отсутствия сильной политической оппозиции, которую власть пытается уничтожить в зародыше, эти режимы могут откладывать свой конец на неопределенное время. В таком случае начинает работать аксиома: чем дольше власть откладывает свой конец, тем он оказывается драматичнее и для самой власти, и для общества.

Важно понять степень и пределы устойчивости нынешнего политического правления. Здесь опасны крайности: и заявления о том, что режим падет завтра или послезавтра, и вывод о том, что впереди у него бесконечность. Ибо и то, и другое ведет к ошибочной реакции на эту власть со стороны общества.

КАК ДОЛГО УСТОИТ СИСТЕМА?

Между тем потенциал выживания российской системы намного выше, чем потенциал политического режима. Ведь интересы, питающие эту систему, гораздо шире интересов, которые поддерживают Владимира Путина. Система охватывает разнообразные слои бизнеса, среднего класса, региональных элит, бюджетников, системных и не совсем системных либералов, часть националистов и империалистов, которые заинтересованы в сохранении самодержавия либо его определенных элементов. Все, кто в той или иной степени поддерживает нынешнюю модель президентства, стоящего над обществом, великодержавный статус России, антизападничество, контроль власти над бизнесом, — все они составляют социальную базу системы персоналистской власти.

Сегодня для российской системы нет угроз, которые могут привести к завершению ее жизни в ближайшем будущем. Если говорить о путинском режиме как о правлении определенной группы лиц, то он более уязвим. Хотя бы потому, что он не только отвергается динамичным меньшинством, но от него постепенно отворачивается «болото». Еще более существенно то, что выживание системы самодержавия требует время от времени смены власти и персонификатора единовластия. Так что даже не логика протеста, а скорее логика системы сокращает жизнь нынешнего политического режима. Его конец становится неизбежным, и эта неизбежность осознается многими, в том числе и на уровне элиты.

Однако противники путинского режима не должны радоваться признакам исчерпания его динамики. Ведь на смену этому режиму может прийти новый лидер-персонификатор. Смена режима власти и команды в Кремле вполне может стать способом воспроизводства самодержавия. Нельзя полностью исключать и повторения старой истории. Помните, как падение СССР в 1991 г. облегчило сохранение самовластья, но уже в пределах России? Это было воспроизводство Русской матрицы за счет сбрасывания старого государства. Возможно, что в очередной раз изменение географического формата государственности — скажем, отсечение Северного Кавказа — станет способом продолжения существования персоналистской власти в новом географическом пространстве.

Между тем сохранение Владимира Путина в Кремле может ускорить как кризис российской

власти, так и становление влиятельной политической оппозиции этой власти. В то же время смена политического режима при отсутствии такой политической оппозиции создает иллюзию обновления и даже смены формы правления. Но на самом деле это будет лишь способ воспроизводства самодержавия с новым лидером и правящей группой.

Очевидно, однако, что уже не впервые самодержавие, пытаясь себя продлить, создает проблемы, решить которые не может. Так, обращаясь к идее «уникальной цивилизации», претендующей на глобальную морализаторскую роль, не имея при этом ни возможности соответствовать стандартам, ни силовых инструментов, чтобы заставить другие общества признать за Россией эту роль, Кремль возрождает ситуацию, в которой СССР оказался в конце 1980-х годов. Но если тогда советская элита, потерпев поражение, попыталась имитировать принципы победившей западной цивилизации и сотрудничать с ней, на этот раз в случае неудачи новой кремлевской попытки предложить миру свою цивилизационную модель возникает угроза иного сценария — перехода самодержавной России к воинствующему изоляционизму. Вряд ли и общество, и немалая часть политической элиты будут готовы смириться с таким поворотом.

В ближайшие несколько лет мы увидим, как Россия будет доказывать невозможность возрождения через цивилизационное отступление, которое всегда означает наступление реакции. Обычно период реакции — это время осмысления, консолидации модернистского

вектора, собирания сил для его продвижения. Приходится констатировать, что в этот временной провал перед Россией возникают две угрозы. Первая — это затухание недовольства и дальнейшая деградация общества и всех его политических сил, что чревато переходом страны в стадию необратимого загнивания, когда общество не сможет найти в себе силы для возрождения. Пока эта угроза скорее теоретическая. Есть, однако, угроза более реальная — накопление взрывчатого материала и революционный сброс власти при отсутствии политической силы, способной создать правовое государство. В этих условиях мы будем иметь смену режима как результат фрагментации элит и продление самодержавия.

Сумеют ли в России консолидироваться жизнеспособные силы, которые бы использовали период реакции для движения к правовому государству? Сможет ли Запад выйти из своего кризиса и стать для России точкой отсчета при строительстве правового государства? Вот те вопросы, которые сегодня наиболее актуальны для нас, и ответ на них определит будущую траекторию российского общества.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир, Московский Центр Карнеги начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Основанный в 1910 г., Фонд Карнеги является ведущей негосударственной экспертно-аналитической организацией, специализирующейся на международных отношениях. Это первая действительно глобальная научно-исследовательская организация, имеющая офисы в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

© 2013 *Carnegie Endowment for International Peace. Все права защищены.*

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Карнеги.

@CarnegieRu

facebook.com/CarnegieMoscowRu